

бимой душе», к какому-то анонимному корреспонденту, судя по титулу, духовному лицу, представителю высшей иерархии. Кто именно это был, точнее установить трудно за неимением данных. Благодаря этой рамке весь набор старых обличений пьянства получил здесь вид послания к неизвестному лицу, формы, хорошо знакомой московской литературе XVII в. Эта форма вместе с добросовестно использованными источниками определили и язык автора: он не имеет ничего общего с живой образной речью Кабацкого праздника, возвращая нас назад к старой славянорусской литературной речи, лишь украшенной сообразно с модой XVII в. рифмой. Рифмованные отрывки встречаются и среди прозаического текста.

5. В списке б. Румянц. музея № 1564, вслед за этим текстом помещено еще виршами изложенное «слово о пьянстве сотворено и о злом злопийстве учинено трезвым на утверждение, а пьяницам на посрамление», нач.: «первы стих о(т) пьяных крик. Дивну траву с прелестию лукаваго являем и ведения ради пьяницам обьявляем...». Часть этих вирш попала в лубочные картинки (см. о них В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. СПб. 1911, стр. 4—5); здесь они явно добавлены по сходству темы к предшествующей вполне законченной части.
